

PERIODIZATION AND CHRONOLOGY OF CASPIAN CULTURE

© 2019

Doga Natalia Sergeevna, postgraduate student of Domestic History and Archeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. For a long time the issues of periodization and chronology of the Caspian culture remained controversial. Some researchers attributed the culture to the Neolithic period, while others – to the Eneolithic. The paper presents all the available views on the periodization of the Caspian culture. Its brief characteristic is given. The paper also considers criteria for the allocation of the Eneolithic era and provides arguments in favor of the Eneolithic nature of the Caspian culture. The author substantiates the fact that the producing economy of the Neolithic population was absent in the region while it was present in the Caspian culture. The following factors say that the culture belonged to the era of the Eneolithic: changes in the technique of processing stone tools, ornamentation of dishes; the presence of pets. The author considers the concept of the neo-Eneolithic period existence in the Lower Volga region and the possibility of attributing the Caspian culture to it. The author analyzes researchers' point of view on the chronological relationship of the Caspian and the Khvalyn cultures; the conclusion is made about the chronological priority of the Caspian culture over the Khvalyn culture. All available radiocarbon values on materials of culture are presented and the author concludes that the Caspian culture represents an early stage of the Eneolithic of the Lower Volga region.

Keywords: Lower Volga region; Northern Caspian region; steppe Volga region; Caspian culture; Orel culture; Khvalyn culture; Neolithic; Eneolithic; neo-Eneolithic; ceramics; stone tools; radiocarbon Dating; chronological interval; periodization; chronology; stratigraphy.

УДК 902.01

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА И НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ГОРОДИЩА АМНЯ I

© 2019

Дубовцева Екатерина Николаевна, научный сотрудник сектора археологии каменного века
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
центра археологических исследований, доцент кафедры археологии и этнологии
*Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*

Пицонка Хенни, доктор, профессор отдела антропологической археологии
Кильский университет имени Кристиана Альбрехта (г. Киль, Федеративная Республика Германия)

Аннотация. Древнее городище Амня I – уникальный памятник раннего неолита в таежной зоне Западной Сибири (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, река Амня). Он расположен на мысе и имеет три линии обороны и десять жилых впадин. Конструкция раскопанных жилищ идентична, хотя совокупность артефактов выглядит неоднородной. Нами был проведен технико-технологический анализ керамики, который показал отсутствие корреляции между формовочными массами, с одной стороны, и морфологией и орнаментацией посуды – с другой. Планиграфический анализ керамики показал, что сосуды с гребенчатыми и прорезанными узорами обнаружены в разных жилищах, хотя есть объекты, в которых обе группы залегают совместно. Различные категории каменного инвентаря (микропластинки и шлифованные наконечники стрел) также тяготеют к разным частям памятника. Скорее всего, наблюдаемые различия в вещевом комплексе объектов связаны с этапами функционирования городища. Радиоуглеродная хронология не устанавливает последовательности возведения и существования жилищ и оборонительных сооружений. Новая дата AMS не совпадает с радиоуглеродными датами, полученными ранее. Вероятно, она удревнена за счет значительного резервуарного эффекта. Обилие нерешенных вопросов абсолютной и относительной хронологии делает актуальным возобновление исследований на данном памятнике.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Нижнее Приобье; таежная зона; ранний неолит; городище; керамика; каменный инвентарь; жилищные комплексы; радиоуглеродное датирование; планиграфический анализ; технико-технологический анализ керамики; технико-морфологический анализ каменного инвентаря.

Введение

Появление в таежной зоне Западной Сибири ранне-неолитических поселений со сложной структурой является уникальным феноменом и требует пристального изучения [1]. Одним из таких ярких памятников является городище Амня I. Памятник расположен в Белоярском районе ХМАО-Югры на правом берегу р. Амня (приток р. Казым) и состоит из двух площадок на мысу боровой террасы. Оно имеет

три линии обороны, вероятно, последовательно сменявшие одна другую. Каждая состоит из рва и примыкающей к нему валообразной насыпи, в основании которой прослежена канавка от частокола (рис. 1). На двух площадках городища расположены 8 жилищных впадин, еще две находились за пределами укреплений [2–4]. Городище Амня I является ключевым в изучении раннего неолита таежной зоны Западной Сибири в целом и амнинского культурного

типа в частности [5, с. 19; 6, с. 209]. Однако многие вопросы, связанные с этим памятником, пока еще не решены. Сооружения на городище функционировали неодновременно. Само оно существовало, вероятно, на протяжении длительного времени. Из пяти построек и трех оборонительных систем датировано только два жилища, при этом даты по углю демонстрируют значительное расхождение. Керамическая посуда и каменный инвентарь изготовлены с помощью различных технологий. Планиграфия находок должным образом не проработана. Нерешенные вопросы генезиса амнинского культурного типа и его хронологии заставляют снова возвращаться к исследованиям эпонимного памятника. В 2016–2018 гг. нами были проведены технико-технологический анализ керамики и технико-морфологический анализ части каменного инвентаря, а также пространственный анализ различных категорий находок. Для уточнения возраста неорнаментированного сосуда из жилища 1, который ранее был продатирован по ТОС (total organic content) [7, с. 243], нами был взят образец нагара для AMS датирования.

Источники и исследования

Раскопками 1987–1989, 1993, 2000 гг. на городище было исследовано пять построек с прямоугольными котлованами площадью 15–40 м² (глубина 0,6–1,8 м), а также участки оборонительных сооружений (рвы I, II, III, валы II, III, частокольные канавки). По периметру котлованов в дне фиксировалась канавка – следы деревянной обшивки стен, в центре располагалось очажное возвышение, на полу прослежена углистая прослойка (следы деревянного настила) и засыпка охрой. Котлованы жилищ 1 и 3 перекрыты более поздними жилищами 1а и 2а энеолитического возраста [2–4].

Керамика представлена примерно 40 сосудами, выделенными по венчикам (рис. 2). Несмотря на малочисленность и фрагментированность, исследователи выделяют 2 типа посуды. Первый – закрытые плоскдонные банки средних и крупных размеров (диаметр по венчику 20–26, 40 см), украшенные в прочерченной и накольчатой техниках (рис. 2: 5–7, 10–11). Более чем у половины плоскдонных сосудов стенки переходят в дно через прогиб, образуя валик. Второй тип (рис. 2: 8–9, 14–18) представлен полуяйцевидными сосудами средних размеров с округлым дном, они декорированы гребенчатым штампом в технике штамповки, реже – шагания [2, с. 155]. Исследования жилища 9 позволяют выделить третий тип посуды (рис. 2: 1–4): сосуды полуяйцевидной формы с округлым дном, украшенные в прочерченной и накольчатой техниках [4, с. 107, рис. 10]. Характерная черта амнинской керамики всех типов – массивный треугольный или сглаженный наплыв с внутренней стороны венчика. Также на всей керамике присутствуют ямки под венчиком и наколы на внутренней стороне по ребру наплыва. Авторы раскопок подчеркивают отсутствие жесткой зависимости между технологией изготовления, морфологическими особенностями и орнаментацией сосудов, что свидетельствует о смешении нескольких культурных традиций. Кроме того, по их наблюдениям, в жилищах 1–4 и вокруг них гребенчатая и прочерченная керамика залегала в одинаковых условиях, в том числе на дне жилищ [2, с. 159]. Однако в жилище 9, расположенном за пределами укреплений, встречена только круглодонная посуда, украшенная в прочерченно-накольчатой манере [4, с. 106, рис. 10].

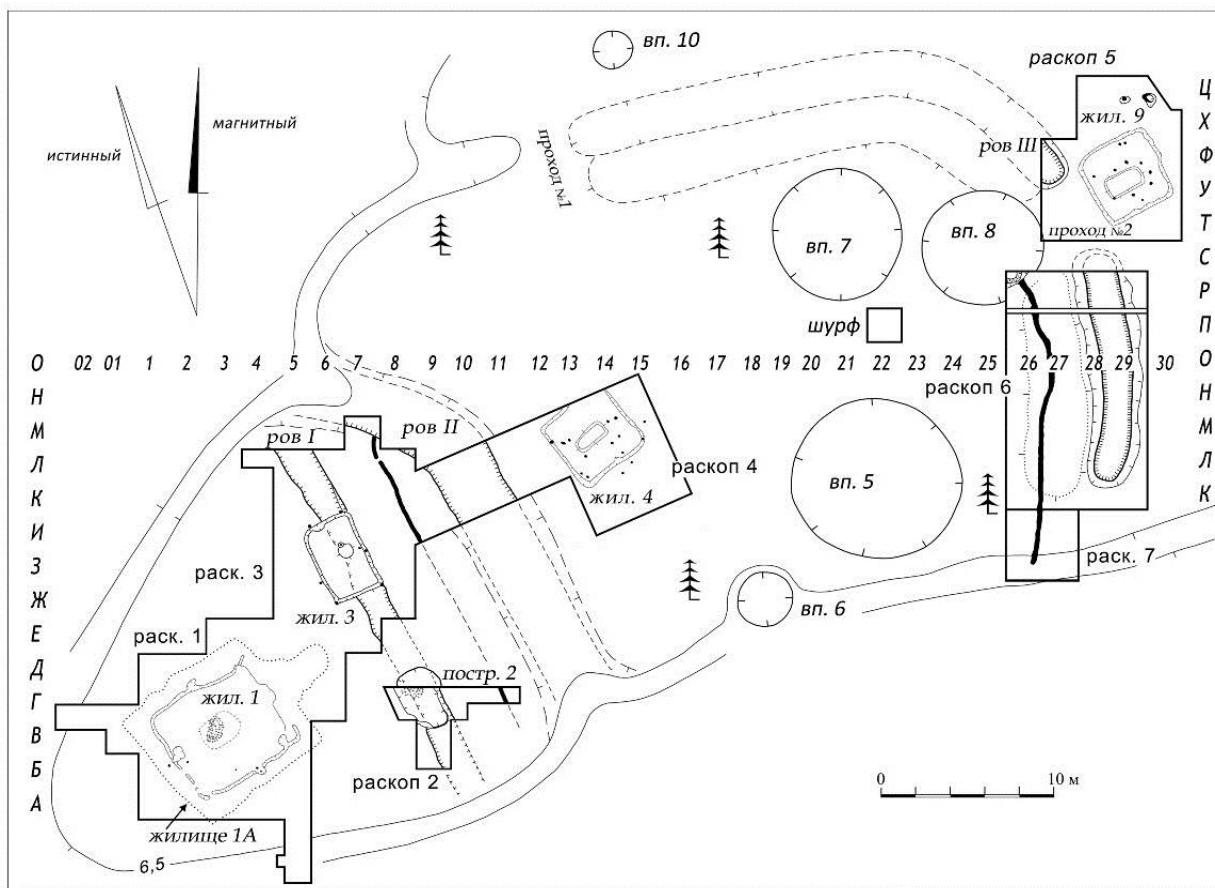

Рисунок 1 – Городище Амня I. План-схема расположения раскопов [4, с. 95]

Каменный инвентарь амнинского культурного типа имеет вполне «таежный приобский» облик. Для него характерно широкое использование кварцевого сырья и контрударная техника скола, высокая степень развития абразивной обработки мягких пород (сланцы, опоки) и кости, морфологическая невыраженность орудий в составе кварцевого комплекса. Обращает на себя внимание сохранение вкладышевой техники и связанного с ней призматического рас-

щепления кремнистых пород (микропластинки, призматические и конусовидные нуклеусы). Кварцевые орудия представлены долотовидными, скребущими, режущими инструментами, резами и резчиками на расколотых гальках, отщепках, немногочисленных пластинах. Шлифованные изделия включают тесла, долота, ножи, наконечники стрел. Многочисленны абразивные инструменты, наковальни, отбойники [2, с. 160–165; 4, с. 105–107].

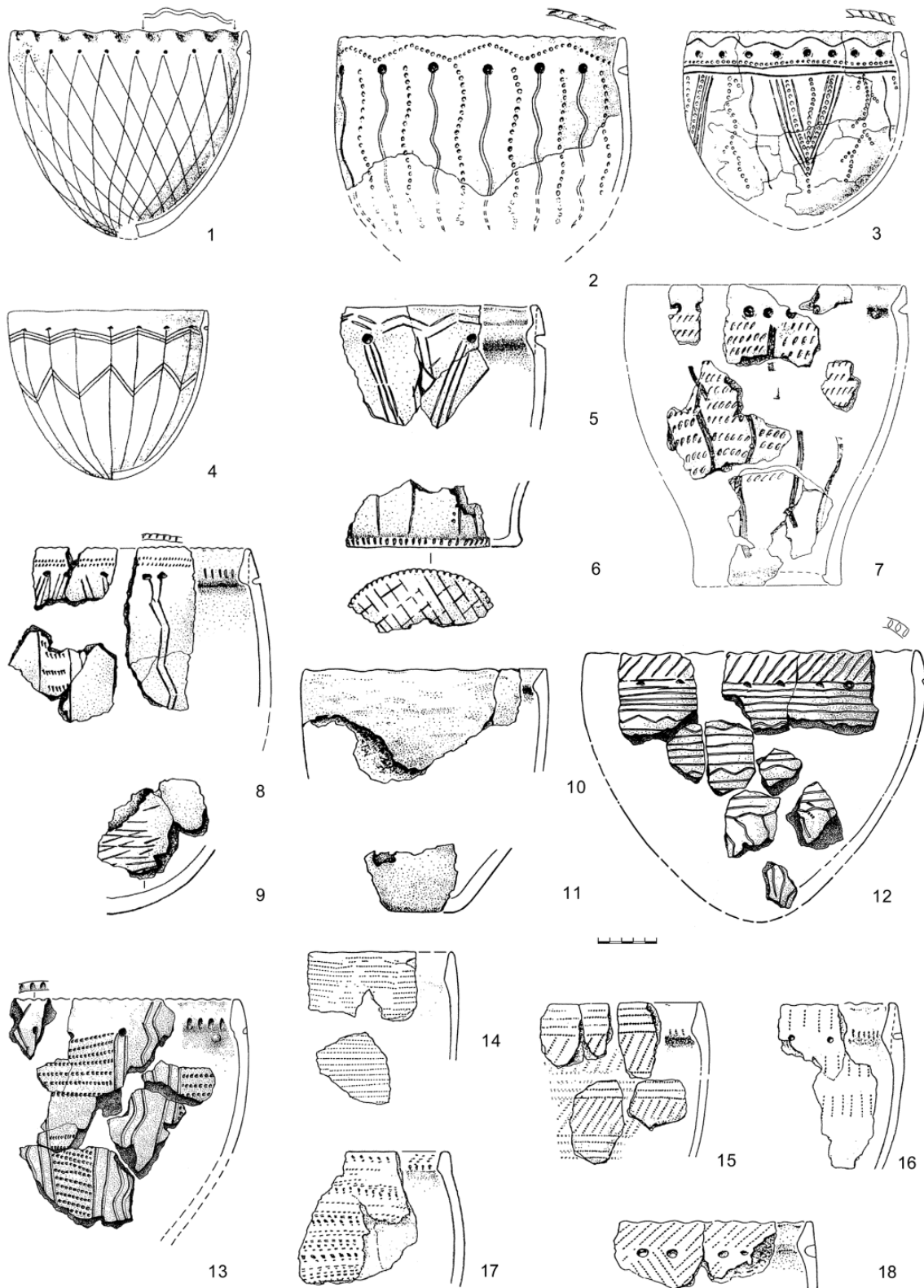

Рисунок 2 – Керамика амнинского типа. 1–4 – гор. Амня I, жилище 9; 5, 6, 8, 9, 11, 18 – гор. Амня I, жилище 4; 7 – гор. Амня I, уч. И-Л/26–27 кострище 2 под валом III; 10, 16 – гор. Амня I, жилище 1; 12, 13 – поселение Кирип-Вис-Юган 2; 14 – гор. Амня I, жилище 3; 15 – городище Амня I, уч. М-О/26–27 кострище 1 рядом с валом III, шурф на уч. П/22

Результаты новых исследований

Технико-технологический анализ керамики городища Амня I был проведен по методике А.А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода. Всего было проанализировано 19 образцов из различных объектов. В качестве исходного сырья использовалась железнистая глина различной степени запесоченности: 1) комковатая, плохо промешанная глина средней степени запесоченности; 2) пластичная плотная глина практически без естественной примеси песка; 3) комковатая сильно засоренная минеральными примесями глина с примесью песка и мелкой гальки. Анализ формовочной массы выявил несколько рецептур: глина без примесей (использовалось сырье группы 3); глина + дресва, глина + шамот, глина + дресва + шамот, глина + дресва + органический раствор, глина + шамот + органический раствор, глина + дресва + шамот + органический раствор. Дресва остроугольная, полиминерального состава (преобладает кварц, изредка встречается тальк). Ее концентрация в керамике может колебаться от 1:2 до 1:5. Часть минералов в формовочной массе имеет естественный характер. Для определения искусственной добавки дресвы мы использовали следующие признаки: размерность свыше 0,5 мм, концентрация 1:4 или 1:3, признаки дробления. Шамот представлен крупными (3–5 мм) остроугольными обломками старых сосудов, концентрация шамота незначительна 1:5, 1:6. Органическая примесь фиксируется по продолговатым или округлым пустотам, отпечаткам растительности, черным пленкам, обволакивающим минеральные примеси, белесому, черному и коричневому налету, покрывающему пустоты и спаи между строительными элементами. Это признаки использования органического раствора. Иногда в тесте фиксируется очень мелкая кальцинированная кость.

По определению И.Г. Глушкова, емкости формовали из жгутов способом внутреннего подлепа, наружная поверхность покрывалась тонким слоем отмученной глины и потом заглаживалась, внутренняя поверхность стенок замыта влажным мягким предметом [2, с. 155, 158, рис. 7]. Наши исследования частично подтверждают это заключение. На 6 экземплярах зафиксированы признаки жгутового налепа в верхней части тулова, 3 экземпляра формовались из лоскутов, лоскутным налепом были выполнены также некоторые плоские днища. Интересным фактом является изготовление наплыва из жгута даже при использовании лоскутного налепа для конструирования тулова.

Анализ орнамента посуды городища позволил выделить четыре стилистические группы керамики: 1 – керамика, покрытая оттисками прокатанного гребенчатого штампа и/или шагающей гребенкой (рис. 2: 14–18); 2 – керамика, украшенная в прочерченной, реже в накольчатой или ямочной техниках (рис. 2: 1–6, 8–9); 3 – сосуды, сочетающие прочерченные узоры и оттиски гребенчатого штампа (рис. 2: 7); 4 – керамика без орнамента (рис. 2: 10–11).

Проведенный анализ подтвердил выводы наших предшественников о том, что корреляция между видами исходного сырья и формовочной массы, с одной стороны, формой и орнаментацией сосудов – с другой, не прослеживается.

При анализе каменного инвентаря считаем необходимым обратить особое внимание на две группы: кремневые микропластинки и шлифованные наконечники стрел.

За все годы исследований на памятнике найдено 826 каменных предметов, в том числе около 4 десятков кремневых пластинок. Нами обработано 38 экз., в их числе 2 первичные и 2 ребристые (рис. 3). Среди пластинок 1 целая, 10 проксимальных частей, 6 дистальных, 4 пластинки с усеченным дисталом и 17 медиальных фрагментов (сечений). Пластинки изготовлены из качественного кремня светлых тонов (белесого, светло-серого, желтоватого), красных и черных кремнистых пород, желтого халцедона, опоки. Они в большинстве правильной формы и огранения, с прямым или слабоизогнутым профилем, дистальные концы в большинстве перовидные. Сечение трапециевидное (16 экз.) и треугольное (10 экз.), 8 экз. имеют многогранную спинку. Некоторые пластинки напоминают обушковые наличием узкой отвесной боковой грани (рис. 3: 6, 7). Огранка дорсала обычно продольная, на нескольких экземплярах – продольная встречная (биполярная). Следы галечной или желвачной корки отсутствуют. Пластинки отличаются высокой степенью микролитизации. Их ширина 3–13 мм, из них 33 экз. шириной 3–7 мм. Длина фрагментов 4–25 мм, толщина 1–3 мм. Размеры целой пластинки 18 × 7 × 2,4 мм (рис. 3: 25). Ударные площадки чаще выпуклые и средневыпуклые, с гладким или двугранным рельефом. Их ширина 2–4 мм, глубина 1–2 мм. Угол скальвания большинства пластинок 70–95°, у двух он составляет 97° и 105°. Ударные бугорки длиной 1–3 мм, у большинства заметна губа и отсутствует изъяснец. Специальных приемов выделения зоны расщепления не выявлено. Перечисленные особенности свидетельствуют об отжимной технике получения пластинок с помощью рогового/костяного отжимника.

Характеристики пластинок соответствуют найденным на памятнике кремневым нуклеусам (14 экз.). Они изготовлены из небольших галек и обломков (сколов, кусков?). Большинство призматические и подпризматические одно- или двуплощадочные (рис. 3: 1, 19, 21–23), меньше конусовидных, один нуклеус торцевой (рис. 3: 28) с двумя смежными ортогональными фронтами скальвания, использованными последовательно (переоформление нуклеуса с переносом ударной площадки). Рабочий фронт призматических и конусовидных нуклеусов охватывает от 1/2 до 3/4 периметра. Их тыльная сторона сохраняет естественную галечную поверхность либо представляет собой плоскую грань, ребра которой подправлены поперечной ретушью со стороны рабочего фронта (рис. 3: 1). Именно такая обработка присутствует на одной из обушковых пластинок. Ударные площадки нуклеусов плоские, прямые или слегка скошенные к контрфронт, частично фасетированы по краю. Размеры ядрищ от 28 × 9 × 7 до 19 × 7 × 9 мм.

Почти половина пластинок подработана мелкой краевой ретушью. Среди них такие специфические типы, как пластинки с притупленной спинкой (3 экз.) (рис. 3: 12, 16) и с притупленными ретушью одним или обоими концами (5 экз.) (рис. 3: 16, 25, 29). Одна пластинка с выемкой, 9 – с полной или частичной ретушью бокового края, чаще дорсальной (рис. 3: 5, 17, 25, 33). Три пластинки имеют резцовый скол на углу слома (рис. 3: 18, 33, 34). Кроме того, на большинстве заметны следы использования в виде участков ретуши утилизации или микровыкрошенности боковых краев, смятости углов, скругленности кромок. Примечателен миниатюрный треугольный обломок дистального конца пластинки с притупленными крутой дорсальной ретушью краями, напоминающий заостренный насад наконечника стрелы (рис. 3: 30).

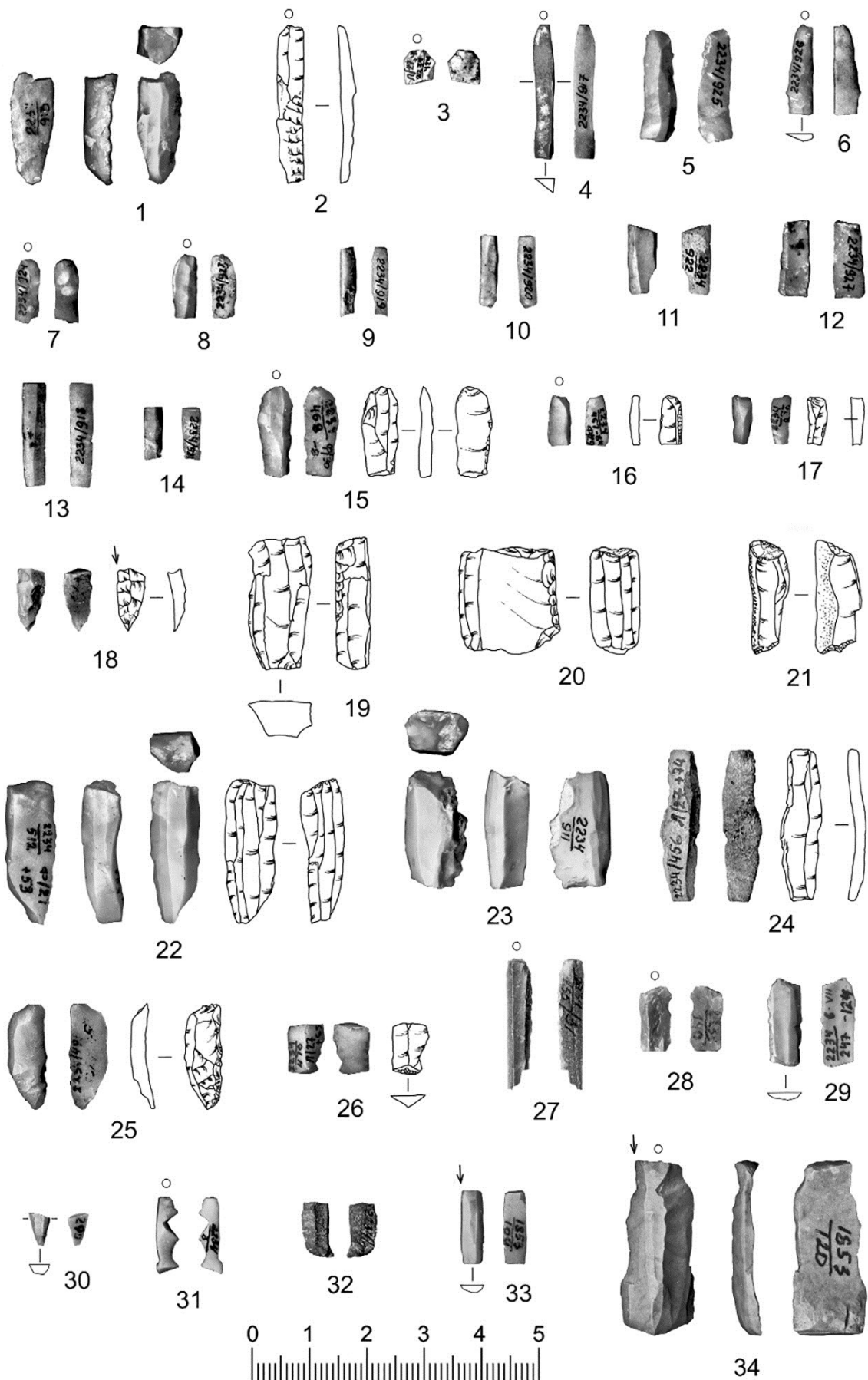

Рисунок 3 – Городище Амня I. Кремневый инвентарь. 1, 19–23 – нуклеусы; 2, 6, 7, 15, 18 – обушковые и ребристые пластинки; 3, 4, 8–11, 14, 24, 27, 28, 31, 32 – пластинки без вторичной обработки; 5, 17, 25, 30 – пластинки с ретушью по боковому краю; 12, 16 – пластинки с притупленной спинкой; 13, 26, 29 – пластинки с притупленной ретушью концом; 18, 33, 34 – пластинки с ретушью и резовым сколом. 1–4 – кострище 2 и точок; 15–20 – жил. 9; 21–26 – вал 3 и ров 3; 27–30 – жил. 4; 31 – подъемный материал; 32 – ров 1; 33, 34 – жил. 2а

Типологически микропластинчатый комплекс Амни I сопоставим с опубликованными материалами мезолитических памятников лесной зоны – Конды, Среднего Приобья, Зауралья [8–12]. Некоторыми особенностями (преобладание призматических и конусовидных нуклеусов при единичности торцевых, наличие пластинок с притупленной спинкой) он более напоминает кондинские материалы. Но метрические характеристики амнинских пластинок имеют значительно меньший вариационный размах, чем в любой из мезолитических коллекций, даже столь микролитовидных, как кондинские. Вероятно, перед

нами выборка очень узкого назначения: вкладыши изящных составных орудий, скорее всего – наконечников стрел и режущих: некоторые пластинки определены как вкладыши мясных ножей [4, с. 105].

Закономерен вопрос: могут ли микропластинки Амни I быть мезолитическими? Помимо стратиграфических наблюдений, не вызывающих сомнений в их принадлежности к сооружениям неолитического городища, сошлемся на аналогии в раннеолитических памятниках, где микропластинчатые комплексы являются одной из составляющих их каменного инвентаря: ст. Черная 3, жил. 1а [13], Варга 2 [14].

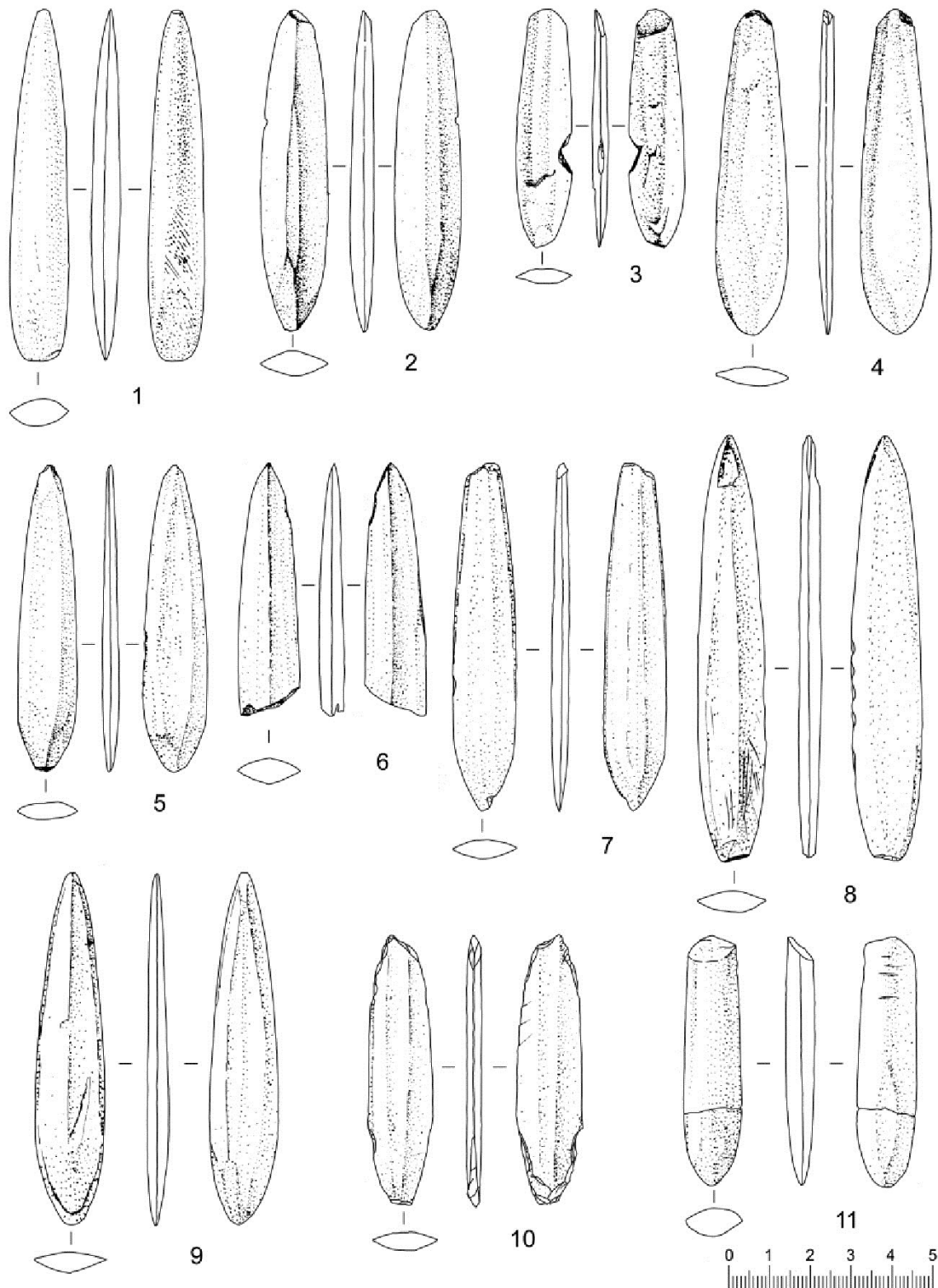

Рисунок 4 – Городище Амни I. Шлифованные наконечники стрел. 1–6 – жил. 1; 7–11 – жил. 1а

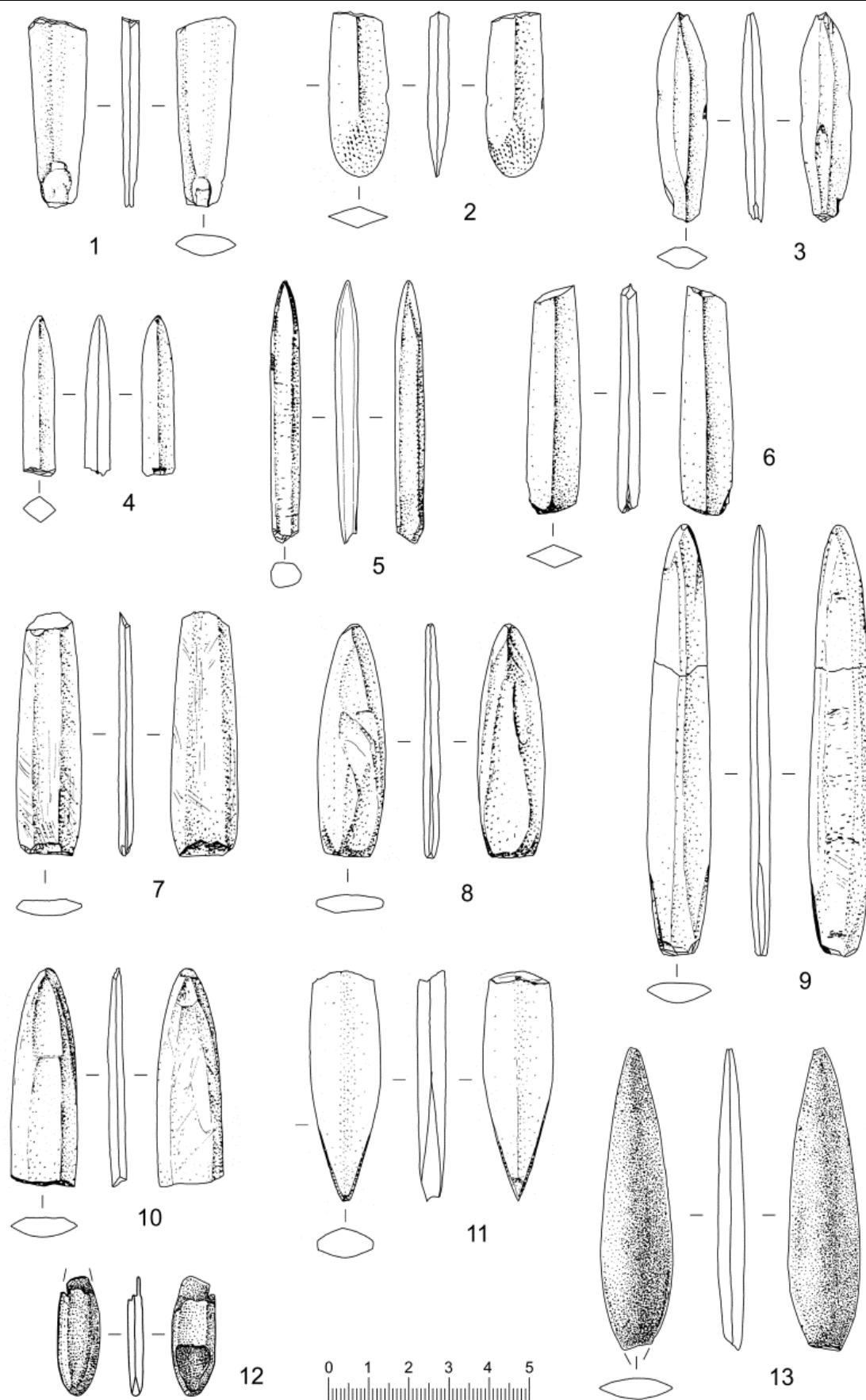

Рисунок 5 – Городище Амня I. Шлифованные наконечники стрел. 1, 2 – жил. 1а; 3, 5 – жил. 2; 4 – между жил. 2 и 3; 6, 7 – постр. 2а; 8, 10, 11 – жил. 4; 9 – жил. 3; 12 – костр. 1; 13 – жил. 9, заполнение

Шлифованные наконечники стрел (28 экз. по описям, в том числе 16 целых, 12 обломков верхних и нижних частей, а также фрагментов пера, обломленных с обоих концов). Наконечники изготовлены из плиток сланца, алевrolита, поверхность полностью отшлифована.

Они представлены двумя типами: листовидными и узкими стержневидными. Листовидные наконечники с коротким округлым, приостренным (треугольным) или прямым усеченным насадом по форме сечения и пропорциям распадаются на два варианта.

Первый – удлиненные наконечники линзовидно-го, ромбического сечения или шестигранного, с узкой осевой гранью (10 целых, 7 обломков). Они отличаются довольно выдержанными размерами: 86–105 × 13–18 × 4–7 мм, пропорции (отношение длины к ширине) 4,7–6,6 (рис. 4; рис. 5: 13). Второй вариант – плоские укороченные наконечники шестигранного сечения, с широкой осевой и узкими боковыми гранями (три целых, три обломка). Их размеры 51–56 × 11–17 × 4–5 мм, пропорции 3,5–4,0 (рис. 5: 3, 7, 8, 10, 12). Имеются переходные варианты по пропорциям и форме сечения (рис. 4: 9, 10). Надо полагать, что толщина и форма сечения наконечников обусловлены индивидуальными особенностями плиток-заготовок. Второй тип наконечников – узкие массивные стержневидные, ромбического и неправильно-шестигранного сечения (рис. 5: 1, 2). Целый экземпляр с усеченным насадом имеет размеры 63 × 7 × 6 мм, пропорция 9,4, размеры обломка 35 × 8 × 6 мм. У большинства наконечников, – целых и обломков, – повреждены жальца (обломлены, сколоты, смяты), у многих – и концы насадов, что, видимо, свидетельствует об их использовании по назначению. Кроме того, имеется два мелких скола со шлифованных наконечников, а также 8 тонких окатанных плиток (целых и обломков) с частичной обработкой: с краевой оббивкой, следами надпила, с пришлифовкой. Судя по размерам и пропорциям, они могут быть заготовками наконечников.

Планиграфический анализ

и проблемы относительной хронологии

Решению вопросов соотношения групп керамики, доли микропластинчатого комплекса и шлифованных наконечников в каменном инвентаре препятствует отсутствие ясной картины последовательности формирования и функционирования сооружений городища.

Авторы раскопок предлагают следующую реконструкцию последовательности заселения мыса. Наиболее ранним считается жилище 1, обнесенное рвом 1; возможно, одновременно с ним или чуть позже существовало жилище 4 (в основании рва 1 зафиксирован обломок сосуда из жилища 4). Затем ров 1 был засыпан и на его месте были возведены небольшие постройки 2 и 3, а также сооружена новая линия укреплений (ров II и вал с частокольной канавкой). Через некоторое время за пределами раннего укрепления были построены новые землянки 8 и 9. По мере расширения поселка и смещения его центра в напольную сторону возникла необходимость в новой, третьей оборонительной системе. Во время ее сооружения жилища 8 и 9 были уже разрушены, на их месте остались углубления, которые были вписаны в оборонительную систему. Предположительно в это время на поселении функционировали жилища 5, 6 и 7, еще не исследованные раскопками. Следует упомянуть еще два объекта: кострище 1, перекрывавшее внутреннюю полу вала III, и кострище 2 под насыпью вала III, со скоплением кремневых изделий, залегающих вокруг на поверхности погребенного подзола [2, с. 145; 4, с. 100–103].

Версия авторов раскопок базируется не только на стратиграфических и планиграфических наблюдениях, но, при их отсутствии, – на косвенных соображениях и логических гипотезах, не всегда подкрепленных фактами. К последним относятся: предположение об одновременности жилища 1 и рва I, одинаковый или чуть более молодой возраст жилища 4 отно-

сительно жилища 1, тем более, что в таком случае надо найти объяснение тому факту, что жилище 4, стратиграфически предшествовавшее валу II, оказалось за пределами двух ранних линий обороны. Не известно временное соотношение жилища 3 и постройки 2, а также хронологический промежуток между их возведением и насыпкой рва I. Не установлена относительная хронология скопления-точка под валом III и жилища 9, а также их соотношение с периодом функционирования линий обороны I и II.

В этих условиях нам показалось важным вновь провести пространственный анализ выделенных нами орнаментальных групп керамики, а также кремневых орудий и шлифованных наконечников стрел. Учитывая долговременность памятника, пространственный анализ проводился по исследованным сооружениям, с выделением в отдельные контексты находок из их заполнения и со дна.

Керамика

Анализ распределения различных орнаментальных групп керамики по жилищным объектам выявил следующие закономерности. На полу и в придонной части жилища 1 выявлено 4 фрагмента керамики группы 2, украшенной в прочерченной и накольчатой техниках (в том числе, плоское днище), здесь же найден фрагмент придонной части без орнамента (группа 4), остальные фрагменты украшены гребенчатым штампом с прямоугольными зубцами в прокатанной и/или штампованной технике (группа 1). В заполнении неолитического жилища 1а также встречена керамика неолитического облика: группа 1 – 10 экземпляров; группа 2 – 6 экземпляров; группа 4 – 7 экземпляров, в том числе, по одному фрагменту от круглого и плоского днищ.

К постройке 2 относятся 11 фрагментов керамики: большинство с гребенчатым узором (группа 1), 4 – без орнамента (группа 4), среди них фрагменты днищ – круглого и плоского, без валика. На одном фрагменте стенки наклонные линии, выполненные оттисками гребенчатого штампа, ограничены с двух сторон прочерченными вертикальными прямыми линиями (группа 3).

На полу жилища 3 зафиксирована только керамика группы 1. Она украшена гребенчатым штампом в технике прокатывания или штампования. Использовался тонкий костяной инструмент с прямоугольными зубцами, которым нанесены горизонтальные или наклонные прямые линии. По технологии в этой группе можно выделить две подгруппы. Первая представлена толстостенной керамикой, изготовленной из глины с примесью шамота и охры. Аналогичное тесто имеет фрагмент с прочерченным орнаментом (группа 2) и фрагмент неорнаментированного округлого дна (группа 4). Другая подгруппа представлена более тонкостенной керамикой, изготовленной из сильно запесоченного теста без примесей. Согласно отчету В.М. Морозова, над жилищем 3 фиксировалась постройка 2а. Возможно, вторая подгруппа связана именно с этим более поздним объектом, что подтверждается и уровнем залегания керамики в верхней части профиля.

На полу жилища 4 выявлено всего 2 фрагмента (стенка и венчик) с гребенчатым орнаментом, еще два залежали в заполнении, остальная посуда относится к группам 2 (9 экземпляров) и 4 (2 экземпляра, в том числе плоское дно).

Все сосуды жилища 9 относятся к группе 2, то есть украшены в прочерченной и накольчатой техни-

ках. Эти техники часто сочетаются на одном сосуде. Два фрагмента округлых днищ не орнаментированы.

Во рвах I, II и III обнаружена керамика групп 2 и 3, сочетающая несколько техник орнаментации. В кострище 2 под валом III найден сосуд, в орнаментации которого сочетаются наколы и прочерчивание зубчатым орудием (рис. 2: 7). В кострище 1, примыкающем к валу III и вероятно синхронным с ним, найдены фрагменты сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 2: 15).

Из приведенного анализа видно, что исследованные жилищные комплексы содержат разное количество керамики с прочерченным и гребенчатым орнаментом. В жилище 9 не обнаружена посуда с гребенчатой, а в постройке 2 нет керамики с накольчатой и прочерченным орнаментом, единично она встречается и в жилище 3. В жилище 1 доминирует керамика с гребенчатой орнаментацией, а в жилище 4 – с накольчатой.

Принимая во внимание, с одной стороны, однокультурность жилищ, что выражается в близких традициях в домостроении и каменном инвентаре, с другой стороны, одновременность объектов на городище Амня I, можно предположить, что различия в орнаментации керамики связаны с хронологическими этапами функционирования городища. В связи с этим вызывает сомнение, что наиболее ранними являются жилища 1 и 4, так как в их керамических комплексах фиксируется смешение орнаментальных традиций. Можно предположить, что наиболее ранним является жилище 9, в котором представлена только керамика с прочерченно-накольчатой орнаментацией. Взаимодействие с носителями гребенчатой орнаментальной традиции приводит к формированию двухкомпонентного амнинского культурного типа (жилища 1, 4), который развивается по пути увеличения гребенчатой орнаментации и сосудов без орнамента (жилища 3 и 2).

Каменный инвентарь

Установлено в целом равномерное распределение по выделенным контекстам колотого кварца, обломков шлифованных орудий, абразивных и ударных инструментов.

Кремневые микропластинки (38 экз.) и нуклеусы пластинчатого расщепления (14 экз.) также найдены во всех, за исключением кострища 1, контекстах в количестве 1–3 экз. (пластинки) и 1–2 экз. (нуклеусы). Наиболее многочисленны они на дне жилища 9 (6 пластинок) и в скоплении кремня около кострища 2 под валом III (12 пластинок, 4 нуклеуса). Скопления трактуются как точки, предшествовавший строительству последней линии фортификации.

Шлифованные наконечники стрел – целые (16 экз.) и обломки (12) – найдены на дне жилищ 1 (4 экз.) и 4 (1), постройки 2 (1) и в кострище 1 (1). Остальные по 1–2 экз. залежали в заполнении неолитических жилищ 1, 2, 3, 4, 9, энеолитического сооружения 2а. В энеолитическом жилище 1а их было особенно много: 5 целых и 2 обломка. Примечательно, что стержневидные наконечники найдены в постройке 2 и рядом с ней. Плитки-заготовки сосредоточены в заполнении и придонной части котлована энеолитического жилища 1а, одна залежала в придонной части жилища 4.

Несмотря на то, что значительная часть каменного инвентаря приурочена к вторичным заполнениям и поэтому не может быть напрямую связана с соответствующими сооружениями, кремневый микропластинчатый комплекс находок охватывает весь неолитический период существования памятника, хотя больше тяготеет к его восточной периферии (жил. 9 и

кострище 2 под валом III). Напротив, шлифованные наконечники сосредоточены в западной части городища. Возникает соблазн предположить, что столь разные технологии изготовления наконечников стрел (составных вкладышевых и цельных шлифованных) связаны с культурной двухкомпонентностью памятника.

Недостаток фактов позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о более раннем возрасте объектов восточной периферии памятника (жилище 9, кострище 2, возможно, также и жилище 5) относительно остальных сооружений.

Абсолютная хронология

Время существования городища определяется несколькими радиоуглеродными датами, которые демонстрируют значительный разброс. По углю из жилища 9, расположенного за пределами внешней линии обороны, получено несколько радиоуглеродных дат: 6900 ± 90 (Le-4973), 8760 ± 280 (Le-4974a), 8630 ± 180 (Le-4974b) [4, с. 111]. Две последние (Le-4974 a, b) попадают в IX–VIII тыс. до н.э., но на памятнике нет культурных слоев и артефактов, относящихся к эпохе мезолита. Кроме того, даты имеют слишком большие для неолита доверительные интервалы, поэтому они считаются невалидными. По общему содержанию органики (ТОС) во фрагменте неорнаментированного сосуда из жилища 1 получена дата 6920 ± 90 (Ki-16028) [7, с. 243]. Поскольку фактическое происхождение углерода в таких образцах неясно, даты, полученные таким образом, считаются не очень надежными [15–17]. Этим было обусловлено продолжение работы по датированию. Новая AMS-дата с городища Амня I – 7590 ± 40 (Poz-97648) – была получена по нагару с того же самого неорнаментированного сосуда (рис. 2: 10), что и дата по ТОС [18]. Таким образом, разница между датами, полученными разными методами, составила примерно 600 лет. Схожая ситуация прослежена на однокультурном поселении Кирип-Вис-Юган 2, которое расположено в 3 км к ЮВ от Амня I. По углю из жилища 4 получена дата 6880 ± 50 (Le-6582) [19, с. 33], новая AMS-дата по нагару с керамики (рис. 2: 12), происходящей из жилища 1, древнее на 700 радиоуглеродных лет – 7600 ± 40 BP (Poz-97649) [18].

Таким образом, в настоящее время для амнинского типа получено 7 дат с двух памятников, они распадаются на три хронологические группы. Такая ситуация может иметь несколько объяснений и связана с проблемами достоверности радиоуглеродных датировок на памятниках амнинского типа. Одна из них связана с предпологаемой, но недоказанной одновременностью жилищ 1 и 4 на Кирип-Вис-Югане 2, другая – с возможностью методических ошибок при датировании керамики по ТОС. Независимо от этого, существует систематическая разница от 600 до 700 лет между обычными радиоуглеродными датами и AMS-датами нагара на посуде. Обе даты нагара попадают в очень узкий интервал времени, сразу после середины VII тыс. до н.э., а контекстные даты датируются первой третью VI тыс. до н.э. Вероятное объяснение может заключаться в том, что на даты нагара влияет более или менее равный резервуарный эффект, который связан с использованием сосудов для приготовления или хранения рыбы. Для лучшего понимания абсолютной хронологии памятника и временной последовательности его планиграфического развития необходимы дополнительные датировки материалов из четко определенного стратиграфического контекста.

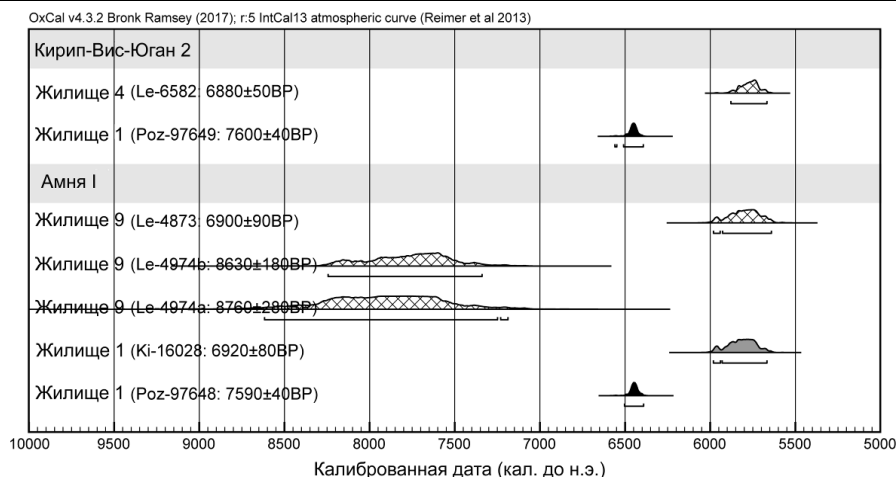

Рисунок 6 – Радиоуглеродные датировки городища Амни I и поселения Кирип-Вис-Юган 2.

Черным цветом обозначены даты, полученные по нагару, серым цветом – даты, полученные по содержанию общей органики в керамике, штриховкой – даты, полученные по углям

Вывод

Таким образом, вещевой комплекс Амни I является важным источником для изучения распространения и смешения культурных традиций в раннем неолите региона. Обилие нерешенных проблем абсолютной и относительной хронологии делает актуальным возобновление исследований на этом уникальном памятнике.

Список литературы:

1. Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Российская археология. 2013. № 4. С. 20–34.

2. Морозов В.М., Стефанов В.И. Городище Амни I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 143–170.

3. Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амни I: новые данные // XVI Уральское археологическое совещание: тез. докл. Челябинск: Рифей, 1999. С. 43–44.

4. Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амни I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 93–111.

5. Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16–40.

6. Дубовцева Е.Н. Традиции керамического производства на севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: мат-лы междунар. науч. конф., посв. 75-летию В.П. Третьякова / под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 208–212.

7. Косинская Л.Л. Радиоуглеродная дата с городища Амни I // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург – Сургут: Издательство Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 243.

8. Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 26–38.

9. Погодин А.А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие

Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 5–15.

10. Сериков Ю.Б. Атымья IV – самое северное мезолитическое поселение Свердловской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 39–41.

11. Сериков Ю.Б., Балуева Ю.В., Коноваленко М.В. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 5–19.

12. Рьжкова О.В., Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л. Мезолитические материалы стоянки Береговая II на Горбуновском торфянике в Зауралье (по раскопкам 1991–1992 гг.) // Stratum Plus. 2019. № 1. С. 1–15.

13. Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Вып. 26. Екатеринбург – Сургут: Изд-во Магеллан, 2011. С. 199–217.

14. Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). Екатеринбург, 2007. 99 с.

15. Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Volokitin A.V. Another way of early pottery distribution in eastern Europe? Case study of the Pezmog 4 site, European far northeast // Radiocarbon. 2014, Vol. 56 (2). P. 733–741.

16. Мосин В.С., Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология зауральского неолита: пространственный аспект // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 108–114.

17. Zaitseva G., Skripkin V., Kovalyukh N., Possnert G., Dolukhanov P., Vybornov A. Radiocarbon dating of Neolithic pottery // Radiocarbon. 2009, Vol. 51 (2). P. 795–801.

18. Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A.P. The emergence of early pottery in the Urals and Western Siberia – New dating and stable isotope evidence (in print).

19. Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А. Кирип-Вис-Юган 2 – памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикаспия) // Источники по археологии западной Сибири: сборник научных трудов / ред. Т.Н. Глушкова. Сургут: РИО СурГПУ, 2005. С. 19–33.

**ANALYSIS OF THE MATERIAL CULTURE AND NEW RADIOCARBON DATING
OF THE EARLY NEOLITHIC SITE OF AMNYA I**

© 2019

Dubovtseva Ekaterina Nikolaevna, researcher of Stone Age Archeology Sector
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(*Ekaterinburg, Russian Federation*)

Kosinskaya Lubov Lvovna, candidate of historical sciences,
senior researcher of Archaeological Research Centre, associate professor of Archaeology and Ethnology Department
Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)

Piezonka Henny, PhD, professor of Anthropological Archeology Department
Christian-Albrechts University of Kiel (Kiel, Federal Republic of Germany)

Abstract. The ancient fortified settlement of Amnya I is a unique Early Neolithic site in the northern taiga zone of Western Siberia (Khanty-Mansi Autonomous Okrug, the Amnya river). It is located on a promontory and has three lines of defense and ten dwelling depressions. The structures of the excavated dwellings are very similar, though the artifact assemblage appears rather heterogeneous. We carried out a technical and technological analysis of ceramics, which showed no correlation between the texture, on the one hand, and the morphology and ornamentation of pots on the other one. Planigraphic analysis of ceramics showed that vessels with comb and incising patterns are found in different dwellings, although there are objects in which both groups lie together. Various categories of stone implements (bladelets and polished arrowheads) also appear on different parts of the settlement. Most likely, the observed differences in the artefact complexes of objects are associated with the stages of the functioning of the settlement. The absolute chronology does not yet clarify the sequence of erection and existence of objects. New AMS date is probably vulnerable to a significant reservoir effect. The abundance of unsolved issues of absolute and relative chronology makes the resumption of research on this unique site urgent.

Keywords: Western Siberia; Lower Ob basin; taiga zone; Early Neolithic; promontory fort; ceramics; lithic inventory; dwellings; radiocarbon dating; planographic analysis; technical and technological analysis of ceramics; technomorphological analysis of lithic inventory.

УДК 902, 903

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12211

Статья поступила в редакцию 15.02.2019

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КУЛЬТУРАХ НЕОЛИТА
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ**

© 2019

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук,
заведующий сектором сохранения и популяризации археологического наследия
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
(*г. Сыктывкар, Российская Федерация*)

Недомолкина Надежда Геннадьевна, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела фондов
Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
(*г. Вологда, Российская Федерация*)

Мельничук Андрей Фёдорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России
Пермский государственный национальный исследовательский университет
(*г. Пермь, Российская Федерация*)

Аннотация. В статье обобщены и систематизированы сведения о культурах неолита на северо-востоке Европы – современной территории Республики Коми, северной части Пермского края, Вологодской и Архангельской областей, Ненецкого АО. На основе критики опорных источников, их анализа и интерпретации авторы представляют свою точку зрения на особенностях формирования, развития и дальнейшей судьбы культур неолита региона. Установлено, что в регионе располагаются северные и северо-восточные провинции известных культур раннего и среднего неолита Восточной Европы – верхневолжской, камской, льяловской и родственной ей каргопольской. Кроме того, выявлены фрагменты культур, исходные территории формирования которых пока достоверно не определены. Их представляют ранненеолитические памятники типа Дугово I, Черноборской III, Эньты IA и Черной Вады. Некоторые типы керамической посуды без определенного контекста документируют присутствие на северо-востоке Европы групп населения, статус которых пока не определен. Авторы предполагают, что формирование культур неолита в регионе связано с поиском неосвоенных кормовых территорий, их освоением и кратковременной эксплуатацией небольшими группами людей, соизмеримых с элементарными или объединенными семьями. На большей территории СВЕ за исключением ее самых юго-западных и юго-восточных частей, условия для длительного проживания первобытного населения и формирования местных традиций отсутствовали вплоть до энеолита.

Ключевые слова: археология; неолит; северо-восток Европы; палеогеография; археологическая культура; археологические источники; археологический контекст; археологические разведки; археологические раскопки; миграции; каменный инвентарь; керамическая посуда; стоянка; поселение; многослойный памятник; углубленное жилище; скопление; очаг.